

Е. В. ТАРЛЕ: ЛИЧНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Рецензия на монографию:

Б. С. Каганович. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб, 2014. – 357 с.

ISBN 978-5-94380-164-8

Перед нами – долгожданная книга, итог многолетних исследований авторитетного современного «тарлеведа» д.и.н., ведущего научного сотрудника СПбИИ РАН Бориса Соломоновича Кагановича. По существу она является вторым дополненным изданием его монографии «Е. В. Тарле и петербургская школа историков» (СПб, 1995). По сравнению с первым изданием, больше похожим на очерк, в новой книге текст получил четкую структуру, состоящую из традиционных введения, заключения, хронологически обусловленных глав. Также в ней расширен круг приводимых документальных источников, стала разнообразнее палитра оценок и мнений о Е. В. Тарле, в том числе примеры последних достижений историографии. Содержание же основного текста в некоторых местах претерпело значительное изменение, и на этих изменениях мы будем останавливаться. Что касается формулировок выводов автора, то они почти идентичны выводам первого издания. Б. С. Каганович не стал механически собирать под одной обложкой всё то, что он опубликовал о Тарле за два десятка лет (исследования, материалы личной переписки и официальной корреспонденции)¹. Многочисленные интересные детали скрыты за немногословными сносками вместо того, чтобы, как нам представляется, порадовать ими читателя уже на страницах книги или хотя бы в приложениях.

В современной науке интерес к личности академика Е. В. Тарле и к истории интеллигенции в советский период в целом не ослабевает. Слишком много штампов заслоняли живую действительность истории, слишком многие документы не были доступны исследователям. О Тарле

писали и продолжают писать специалисты, в том числе и зарубежные. Среди последних Б. С. Каганович особенно выделяет В. Вейнтрауба, Ф. Вентури, Э. Хёша, С. Вишневого. «Вероятно, самый известный и популярный историк, живший в России в XX веке»² – так аттестует своего героя Б. С. Каганович – до сих пор не теряет этого звания. Книги Тарле переиздаются, выходят в свет и неопубликованные труды. Последний раз это произошло в 2010 г., когда Ф. М. Лурье опубликовал третью часть «Революционного трибунала в эпоху Великой Французской революции: Воспоминания современников и документы»³.

Сильной стороной книги является ее объективность. Читатель может увидеть как достижения Тарле, так и его недостатки, промахи, ошибки. Автор ни в коей мере не любит своего героя, а говорит о нем с большим уважением, с глубоким сочувствием (там, где речь идет о злосчастных 1930–1932 годах), не стесняясь отмечать моменты, когда талант великого мастера изменял себе и шел к закату. Ошибки Тарле излагаются читателю аккуратно, с подчеркнутой интеллигентностью, свойственной Б. С. Кагановичу, но не без изрядной доли личного отношения, что понятным образом проистекает из неравнодушия автора к судьбе историка. Иначе как тогда трактовать финальные слова книги: «Вероятно, в нем было несколько больше цинизма и житейского оппортунизма, чем их хотелось бы видеть в таком человеке»⁴.

Другой особенностью является пространное цитирование личных документов Е. В. Тарле, что связано с четко обозначенной позицией автора: «подлинный документ не может заменить никакое изложение»⁵. Е. В. Тарле никогда не вел дневников и не писал мемуаров, но эта источниковедческая проблема становится менее острой вследствие двух обстоятельств: во-первых, его популярность оставила след в воспоминаниях самых разных людей, чьи высказывания нередко приводит автор, и, во-вторых, корреспонденты Тарле, в отличие от него самого и его наследников, аккуратно хранили письма историка.

Автор останавливается на дискуссии, развернувшейся на защите магистерской диссертации Тарле «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени». Б. С. Каганович признает неудачным перевод «Утопии», сделанный Тарле, а его книгу относит к разряду не самых сильных работ историка, хотя именно здесь желателен был бы гораздо более подробный анализ сильных и слабых мест диссертации Тарле. В книге приведено свидетельство,

что даже спустя десять лет тема «Утопии» и Томаса Мора очень тяжело отзывалась в душе Е. В. Тарле.

Тарле был на острие своего времени: он интересовался актуальными социологическими и философскими учениями, критиковал их за претензии на универсальность, не признавая себя сторонником какого-либо одного направления общественной и научной мысли. Его политические пристрастия были размыты, и автор с некоторой долей сомнения формулирует их так: «По-видимому, он не был членом ни одной партии, а по своим политическим взглядам стоял где-то между левыми кадетами и правыми меньшевиками»⁶. Недостаточное освещение получил у Б. С. Кагановича вопрос о том, каким образом пришел Е. В. Тарле к левым или, лучше сказать, левоцентристским убеждениям, каким образом и почему он стал своим человеком в среде левой интеллигенции.

Характеризуя рано сформировавшееся лекторское мастерство Тарле, Б. С. Каганович приводит заслуживающие внимания данные из ЦГИА СПб, которые говорят о том, что на его лекции по истории Франции XIX в. собиралось от 700 до 1000 студентов Петербургского университета⁷. Цифра, поразительная для современных учебных аудиторий!

Автор убедительно реконструировал участие Е.В. Тарле в революционных событиях 1905 г. Можно предположить, что истоки популярности молодого ученого заключались не только в научных достижениях, но в активной политической позиции. 1905 год вознес Тарле на гребень общественного интереса: во-первых, его персональное дело рассматривалось императором Николаем II (а подобной чести удостоивался не каждый приват-доцент), во-вторых, он был ранен во время разгона демонстрации у Технологического института на следующий день после провозглашения манифеста 17 октября – это ранение вызвало не только появление преждевременных некрологов, но и официальный протест Санкт-Петербургского университета; в-третьих, эпизод с ранением Тарле оказался запечатлен в воспоминаниях таких деятелей, как С. Ю. Витте и Л. Д. Троцкий. Применительно к 1905–1906 г. Б. С. Каганович отмечает максимально радикальную позицию Тарле, которая получила воплощение в работе «Падение абсолютизма в Западной Европе», «наиболее левым выступлением Тарле в российской печати»⁸. Тарле сотрудничал с эмигрантским изданием «Освобождение», и факт такого сотрудничества еще требует, по словам автора, дальнейшего изучения.

Е. В. Тарле состоялся и получил признание, прежде всего, как специалист по экономической истории. Крупнейшая работа дореволюционно-

го периода его жизни «Континентальная блокада», как отмечает автор с опорой на последние достижения европейской историографии, ценна своей документальностью и нарративностью, несмотря на то, что, по приведенным словам Ф. Вентури, в ней нет описания собственно экономических механизмов⁹.

Очень деликатно подходит Б. С. Каганович к рассказу об аресте Е. В. Тарле в январе 1930 г. и его содержании в тюрьме. Он подчеркивает, что «материалы следствия по «Академическому делу» являются источником в большей мере для изучения преступной репрессивной политики сталинского руководства, чем для характеристики обвиняемых. Поэтому мы считаем неуместным и недопустимым разбирать на основании этих материалов поведение отдельных обвиняемых и выносить моральные приговоры»¹⁰. Делая это замечание, с которым можно и нужно согласиться, автор не отказывается от изложения фактического хода следствия. Читатель согласится с Б. С. Кагановичем в том, что «признания» и «показания», приписываемые Тарле, были навязаны под тяжелым психологическим давлением. Осенью 1930 г. Тарле написал властям обращение с просьбой оставить его на свободе, не подвергать публичному осуждению, в обмен он обещает работать на советскую власть и защищать ее политику. «Читать эти униженные заявления и обращения особенно тяжело и горько» – пишет Б.С.Каганович¹¹.

Травма, нанесенная Е. В. Тарле в 1930 г., осталась с ним навсегда и преследует его память и в наши дни. Несколько раз в своей работе Б. С. Каганович полемизирует с В. С. Брачевым, который обвиняет Тарле, якобы вступившего в сговор со следствием, в «нравственном падении или “затмении”»¹². Автор настаивает на публикации материалов следствия 1930–1931 гг.¹³ и реабилитационного дела 1966–1967 гг., для того, чтобы еще убедительнее доказать факт фальсификации «заговора академиков». Это горячий призыв Б. С. Кагановича, как нам представляется, должен быть широко поддержан широкой научной общественностью.

Б. С. Каганович оставляет открытым вопрос, нашел ли себе работу Е. В. Тарле в ссылке Алма-Ате. Приводя слова самого ученого о том, что он приглашен в Алма-атинский университет, автор признает отсутствие каких-либо сведений о преподавании Тарле в Казахстане.

Двадцать страниц книги посвящены ответу на вопрос, кто сыграл главную роль в том, что Е.В. Тарле в августе 1932 г. был помилован. Б. С. Каганович, обильно цитируя переписку семьи Тарле, демонстрирует читателю некоего «Санса» – за этим прозвищем фигурировала Надеж-

да Осеевна Штейнберг-Щупак, специалист по санскритской филологии и переводчик, эмигрант, с 1920-х гг. проживавшая во Франции¹⁴. Именно она мобилизовала видных французских ученых, которые привлекли к делу защиты русских историков Р. Роллана, контактировавшего с М. Горьким. Так, цепочка: Н. О. Щупак – А. Сэ, А. Матьез, П. Ренувен, К. Блок и др. – Р. Роллан – М. Горький – стала тем спасительным рычагом, с помощью которого была открыта дверь заточения Е. В. Тарле. Если роль общественности в освобождении Тарле была более-менее прояснена, то механизмы принятия решений в советских кабинетах по его делу остаются невыясненными. Каких-то официальных документов сталинского руководства относительно Тарле Б. С. Кагановичу привести не удалось ни в 1995, ни в 2014 г.

Б. С. Каганович показывает, как, несмотря на психологическую травму, полученную в застенках и в ссылке, Е.В. Тарле находил в себе силы ходатайствовать за других, попавших в заключение, и поддерживать теплые отношения с бывшими «коллегами» по «антисоветскому заговору».

Говоря о второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. в жизни Тарле, о времени создания фундаментальных сочинений: «Наполеон», «Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год», «Талейран», «Крымская война», Б. С. Каганович провел большую работу по двум направлениям: во-первых, изучение эволюции текстов от издания к изданию, и, во-вторых, установление места этих работ в историографии. В последнее время исследователи все больше пытаются проникнуть в смыслы, которые кроются за редакторскими изменениями в текстах Тарле. С одним таким, пожалуй, наиболее убедительным, анализом, проведенным проф. О. Н. Кеном¹⁵, Б. С. Каганович не соглашается и полемизирует с ним.

Тезис автора о том, что «Наполеон» является самой популярной книгой советского историка за все время существования СССР и до 1980-х гг. оставалась самой популярной биографией первого французского императора, не был оспорен с 1995 г. Последующую жизнь «Наполеона» в науке Б. С. Каганович иллюстрирует, ограничившись двумя именами: А. З. Манфреда и Ж. Тюлара, не упомянув, к сожалению, ни О. В. Соколова, ведущего наполеоноведа России, ни Т. Ленца, директора «Fondation Napoléon», или Ж.-О. Будона, президента «Institut Napoléon».

Без внимания Б. С. Кагановича остался вопрос о том, насколько востребована двухтомная монография Е. В. Тарле «Крымская война» в современной историографии.

Характеризуя переход в конце 1930-х гг. творчества Е. В. Тарле на новую ступень развития, автор считает, что «сближение Тарле с дипло-

матическим ведомством... не пошло на пользу ему как историку»¹⁶, убедительно иллюстрируя это положение многочисленными примерами того, как конъюнктурные политические соображения заслоняли в нем объективного исследователя.

Автор подробно говорит о деятельности Тарле в годы Великой Отечественной войны, сосредотачивая свое внимание на его публицистике, работе в комиссии по вопросам мирных переговоров и послевоенного устройства при НКВД СССР, а также в Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, позициях Тарле в ходе т.н. «совещания историков» в 1944 г. Все выводы автора заслуживают доверия, кроме одного пассажа, относящегося к Катынскому расстрелу. «Может быть, не случайно и то, – пишет Б. С. Каганович, – что мы не находим его (Тарле) подписи под заключением так называемой “комиссии Бурденко”»¹⁷. Представляется напрасным даже выдвигать предположение того, что академик-патриот, имеющий опыт как унижения, так и сотрудничества в отношениях с советскими властями Тарле решился бы на что-либо похожее на фронду, тем более что сам он в Катюни не бывал и судмедэкспертом никогда не работал.

Б. С. Каганович отменяет всяческие домыслы о контактах Тарле со Сталиным, приводя тот факт, что историк встречался с вождем только один раз (3 июня 1941 г. в связи с подготовкой «Истории дипломатии»). Говоря об их отношениях, автор аккуратно высказывается следующим образом: «Думается, что, несмотря на все льстивые слова, Тарле Сталина не любил, хотя и воздавал ему должное как очень крупному в своем роде государственному деятелю»¹⁸. На страницах, посвященных «совещанию историков» в 1944 г. и неудаче публикации глав книги «Внешняя политика России при Екатерине II», Б. С. Каганович останавливается на том, каким образом диалектически соотносились мысли академика и идеи «вождя народов». Но проблема отношений Тарле и Сталина еще далека от окончательного решения¹⁹.

Мрачная атмосфера конца 1940–начала 1950-х гг., «борьба с безродным космополитизмом» негативно сказалась на работе выдающегося ума. Б. С. Каганович иллюстрирует это примерами «шовинистической фальсификации», «неприятного привкуса ханжества и казенщины» на страницах переизданий «Крымской войны», и однообразием и отсутствием критической мысли – на примере неопубликованной «Внешней

политики при Екатерине II». Эта последняя работа Тарле вообще может считаться печальным памятником увядающему таланту историка.

Работа «...Тарле: Историк и время» завершается нужной и интересной главой «В двух планах. Опыт психологической характеристики», рассказывающей о быте, окружении, друзьях, литературных пристрастиях героя книги. Именно сюда идеально вписались бы крайне любопытные данные, приведенные Б. С. Кагановичем в одной из предшествующих глав, о том, что Тарле не любил кино и совершенно им не интересовался. Было бы также нелишним и упомянуть то, что Тарле, ограничивая свои интересы только литературой, не увлекался ни живописью, ни оперой, ни театром. Из приводимых Б. С. Кагановичем свидетельств складывается ощущение, что Е. В. Тарле был не из легких собеседников: зачастую он подавлял своей эрудицией, с частыми обращениями к трудам классиков литературы и анекдотам из их жизни, «почти ничего не получая (и не желая получить) от собеседника»²⁰.

Пожалуй, ключевое слово для биографии Тарле – это «противоречия», которые в книге Б.С. Кагановича проявляются все же в деталях. Подводя итоги деятельности великого историка, он не абсолютизирует разрыв между «ранним» и «поздним» Тарле, пропастью между которыми стало тюремное заключение и ссылка. Автор показывает, например, что патриотизм и умеренная доля шовинизма были свойственны Тарле еще со времен Первой мировой войны, таким образом, умонастроение «апологета российского великодержавия» нисколько не изменилось за десятилетия. Отчасти Б.С. Каганович прав, но существует возможность и иных интерпретаций.

Автор мог бы заострить внимание читателей на научных проблемах «тарлеведения», на том, что еще можно сделать в этой популярной у исследователей теме, помимо публикации материалов «Академического» и реабилитационного дел; какие проблемы источниковедческого и интерпретационного характера предстоит решать будущим историкам. Предлагаемая читателю книга, безусловно, займет достойное место в ряду работ, посвященных академику Е. В. Тарле, истории позднеимперской и советской интеллигенции и проблемам взаимоотношения личности и власти.

¹Несколько работ Б. С. Кагановича: Воспоминания Е. В. Тарле о работе в западных архивах / Публ. Б. С. Кагановича // Диалог со временем. Вып.1. М., 1999.

С 335–356; Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю (1918–1934) / Публ. и вступ. статья Б. С. Кагановича // *Минувшее*. Т.23. СПб., 1998. С. 263–294.

²Б. С. Каганович. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб, 2014. С. 7.

³Предыдущие выпуски издавались в Петрограде в 1918-1919 гг.

⁴*Каганович Б. С.* Указ. соч. С.336.

⁵Цит.по: Там же. С. 18. Б. С. Каганович справедливо соглашается с тезисом литературоведа А. П. Чудакова.

⁶Там же. С. 43.

⁷Там же. С. 47.

⁸Там же. С. 54.

⁹Там же. С. 73.

¹⁰Там же. С. 131.

¹¹Там же. С. 136.

¹²*Брачев В. С.* Травля русских историков. М., 2006. С. 131.

¹³На сегодняшний день изданы только два выпуска, посвященные С. Ф. Платонову и Е. В. Тарле: Академическое дело 1929-1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В. П. Леонов. Вып. 1-2. СПб., 1993-1998.

¹⁴О роли Н. О. Щупак автор писал как в первой книге о Тарле, так и в отдельных статьях. См.: *Каганович Б. С.* Надежда Осеевна Щупак. Жизнь и судьба // *Диаспора: Новые материалы*. Т. 7. СПб., 2005. С. 571–593; и др.

¹⁵Речь идет о ст.: *Кен О. Н.* Между Цезарем и Чингисаном: «Наполеон» Е. В. Тарле как литературный памятник общественно-политической борьбы 1930-х годов // *Клио*. 1998. № 3. С. 67–83.

¹⁶*Каганович Б. С.* Указ. соч. С. 226.

¹⁷Там же. С. 238.

¹⁸Там же. С. 287.

¹⁹Интересный взгляд на взаимовлияние Е. В. Тарле и И. В. Сталина дает О. В. Будницкий, доказывая, что «не только указания вождя влияли на тексты историка, но и тексты Тарле «абсорбировались» и использовались при подготовке некоторых фрагментов речей Сталина» (*Будницкий О. В.* Изобретая Отечество: История войны с Наполеоном в советской пропаганде 1941–1945 годов // *Российская история*. 2012. № 6. С. 163).

²⁰*Каганович Б. С.* Указ. соч. С. 313.

Приложение

Неосуществленные публикации акад. Е. В. Тарле

(сост. О. В. Анисимов)

Несмотря на огромное наследие Тарле, перу которого принадлежит более тысячи различных трудов, в его творчестве есть нереализованные замыслы. Работа Б. С. Кагановича (с некоторыми дополнениями из пере-

писки, опубликованной в книге «Из литературного наследия академика Е. В. Тарле», М., 1981) дает возможность бросить беглый взгляд на невоплощенные идеи великого историка: идеи статей, глав, книг... Степень их неосуществления совершенно различна: одни не шли дальше строки в дружеском письме, другие фигурировали в объявлениях издательств и типографий, третьи – в издательских договорах. По некоторым из них у Е. В. Тарле уже был накоплен архивный материал. Не претендуя на законченность этого перечня, считаем нужным привести его.

1. Статья об англо-русском соперничестве на Дальнем Востоке, 1896.
2. Книга о творчестве Ф.М. Достоевского, 1901.
3. Книга по истории Ирландии (на основе статей «Ирландия от восстания 1798 г. до аграрной реформы нынешнего министерства», напечатанных в «Мире божьем» в 1904 г.).
4. Книга «Великодержавность: ее возникновение и утрата» (другой вариант названия «Возникновение и развитие великодержавности»). 1918.
5. «Политический словарь», 1919 (совместно с В.М. Гессеном и М.Я. Острогорским).
6. Публикация донесений курляндских дипломатов о Фронде во Франции и о революции в Англии, 1921.
7. Работа о Фронде и ее историческом значении, 1921.
8. Работа «Вопрос о дипломатической ориентации России накануне войны», 1921.
9. Работа об аграрном вопросе в Ирландии и России в конце XIX в.
10. Работа о русских финансах в конце наполеоновских войн.
11. Книга «Наполеон», 1923-1924.
12. Книга «Бисмарк», 1923-1924.
13. Книга о политике царизма в Средней Азии, 1932.
14. Статья «Памятные записи рассказов Наполеона на острове Св. Елены» (к изданию перевода на русский язык «Мемориала Св. Елены» Э. Лас-Каза), 1934.
15. Предисловие к книге Ж. Лефевра о Наполеоне, 1941.
16. «Европа и мировая война», кон. 1930-х. (переработанный вариант «Европы в эпоху империализма»).
17. «Внешняя политика и дипломатия России от конца Крымской войны до 1914 г. (1856-1914)», 1942.

18. Монография «Внешняя политика России при Екатерине II» (незавершенная рукопись).

19. Книга о войне 1812 г. (в рамках работы над историей трех наше- ствий: Карла XII, Наполеона и Гитлера).

20. Книга о Великой Отечественной войне (см. выше).

Резюме

Свыше 20-ти лет Б. С. Каганович занимается исследованием биографии выдающегося историка, профессора Ленинградского университета, академика Е. В. Тарле (1874–1955). В своей новой книге он исследует достижения и промахи Тарле, его отношения с властью, акцентируя внимание читателя на противоречиях судьбы историка. Автор дает интересную психологическую характеристику своего героя. Книга основана на богатом историографическом и эпистолярном материале. Рецензия дополнена списком неопубликованных трудов Е. В. Тарле.

Abstract

More than twenty years B. S. Kaganovich explores the biography of the famous historian, professor at Leningrad University, academician E. V. Tarle (1874–1955). In his new book he examines achievements and failures of Tarle, his relations with the authorities, focusing the reader's attention on the contradictions of historian's fate. The author gives an interesting psychological characteristics to his hero. The book is based on a rich historiographical and epistolary material. The list of Terle's unpublished works is added to this review.

Сведения об авторе рецензии

Анисимов Олег Викторович — кандидат исторических наук, библиотекарь, Научная библиотека имени М. Горького, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

E-mail: ovanisimov@yandex.ru.

Information about the author of review

Anisimov Oleg Viktorovich — PhD in History, librarian, Gorky Research Library, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: ovanisimov@yandex.ru.